

Гермиона сидела в Военной Комнате, ее брови были сосредоточенно нахмурены, непослушная прядь волос выскользнула из удерживающей заколки так, что она упала вперед и прилипла к ее щеке. Она отмахнулась от них с некоторым раздражением и снова направила свою новую палочку на разбитые часы, лежавшие на гладкой деревянной поверхности стола перед ней. Если бы она могла сфокусировать интенсивность, исходящую от ее глаз, она, вероятно, разнесла бы часы вдребезги, но это не было ее целью.

Она со щелчком положила палочку на стол и, вздохнув, на мгновение откинулась на спинку стула. Она массирует виски кончиками пальцев обеих рук. Это просто не сработает. Думаю, сильного заклинания Маскировки, вплетенного в портключ, будет достаточно, чтобы люди не смогли его отследить. Но если я не знаю, как они его отследили, я не смогу проверить, работает ли он вообще! Она снова взяла палочку и, оттянув ее от циферблата, словно вытаскивая память из мышлемысла, осторожно извлекла компоненты заклинания портключ. Их было три: заклинание путешествия, вызывающее заклинание и довольно сложное звуковое заклинание, с помощью которого выбранная песня сохранялась в «памяти» портключа и которое, в свою очередь, активировало запускающее заклинание, делая его более сложным, чем традиционный портключ. . Заклинания мягко парили над часами, плывя мягкими полупрозрачными облаками разных цветов. Она подперла подбородок одной рукой и какое-то время рассматривала заклинания. Они расплылись перед ее глазами, и она резко кивнула, прежде чем резко выпрямиться. Она вскочила и принялась ходить по комнате, пытаясь прогнать смуту. Она плохо спала.

Может быть, Гарри мог бы... подумала она, но тут же отбросила эту мысль. Чтобы она могла правильно понять, как его отследить, кто-то должен был ввести портключ в место, о котором она не знала заранее. Поскольку Гарри не мог установить портключи сам, это вынуждало бы его просить людей сделать это за него, а Гермионе не хотелось смущать его без необходимости. Это, а он провел ужасно много времени в лазарете за последние два дня, пришла непрощенная мысль, и она тут же вздрогнула, виновато оглядываясь через плечо, хотя была в комнате одна.

Итак, теперь выясняется настоящая причина. — Как будто ты кого -то дурачишь, — ехидно сказала Практичная Гермиона, явно все еще недовольная тем, что выпала из авангарда мыслей Гермионы.

Я не завидую Гарри и Джинни. Это просто... нелепо.

Никто никогда не говорил, что смешное и правда исключают друг друга. Брови Гермионы нахмурились, и она вставила три заклинания обратно в портключ с большей силой, чем было необходимо. Тем не менее образ того, как он держит Джинни за руку, гладит ее по волосам, называет ее «любимой» и говорит с ней таким полным эмоций, таким нежным голосом, невольно запечатлелся в ее сознании, как и поцелуй в гостиную Гриффиндора больше года назад.

Казалось, с тех пор прошла целая жизнь.

Так ты хочешь, чтобы Гарри так с тобой разговаривал? Ну, может быть, когда ты совсем сойдешь с ума, бредишь мертвецами, в результате какого-нибудь нового ужасного проклятия.

Это того стоило? Раздраженная, Гермиона подняла свои мертвые часы за один конец кожаного ремешка и швырнула их через комнату. Он с глухим стуком ударился о карту Англии и соскользнул на пол.

— Ой! Я знаю, что ты великолепна и все такое, Гермиона, но я все равно не думаю, что это починит твои часы, — раздался голос Фреда из дверного проема. Гермиона посмотрела на него, испуганная и покрасневшая. — Если только ты снова не «отдыхаешь»? Я слышал о твоей склонности ломать вещи. Он пошевелил бровями.

— Честное слово, Фред! — натянуто сказала Гермиона, быстро сев и неловко поерзав на стуле, хотя часть ее была рада увидеть, как происходит классическое поддразнивание близнецов Уизли. Новый, более сдержанный Фред одновременно вызывал у Гермионы беспокойство и облегчение. Она определенно могла найти общий язык и работать с этим более деловым, созерцательным Фредом. Но в то же время она прекрасно понимала, что он не тот Фред, которого она всегда знала, и ее сердце немного разрывалось от того, что она потеряла.

«Кстати, о том, чтобы ломать вещи», — сказал он, разворачивая стул и садясь на него задом наперед. Под мышкой был зажат свернутый кусок пергамента. — Больше нет тебя и Рона? Он поднял уголки рта вверх, чтобы показать, что не хочет обидеть, но его глаза были серьезными, ищущими ее.

— Я действительно не хочу об этом говорить, — пробормотала она, отводя глаза. Фред поднял обе руки, словно отгоняя ее.

— Я... я не хочу вмешиваться в твои дела, Гермиона. Как бы ни было восхитительно натравить на Рона боеприпасы, я действительно просто хотел проверить и посмотреть, не связано ли это с тем, что папа пострадал, потому что я — Он остановился, так как Гермиона уже качала головой.

"Нет, нет. Рон был расстроен, но он не винил меня - не совсем. Ему не нужно было, когда я всегда буду винить себя", - она попыталась говорить беззаботно, но на самом деле не Добейся этого.

«Гермиона, ты же знаешь, что тебе не нужно...» Но Гермиона махнула ему рукой, немного устало, как бы говоря, не беспокойся об этом.

— В любом случае, мы расстались не поэтому, — сказала Гермиона, наклоняясь вперед в кресле и сморщивая плечи. «Это было... это было неизбежно, я думаю. И я думаю, что уже давно это знала. вниз...»

— Использование хаоса в ситуации кажется довольно плохим оправданием для того, чтобы остаться с кем-то, — заметил Фред, и Гермиона резко подняла голову, чтобы посмотреть на него. «Эй, я говорю, что ты поступил правильно. Ему не нужно, чтобы ты оставалась с ним, потому что ты его жалеешь». Гермиона рухнула, закрыв лицо обеими руками.

"Как он?" — пробормотала она сквозь пальцы. Она снова посмотрела на Фреда, взгляд которого казался отстраненным.

"О том же, я думаю," сказал он, пожимая плечами. «Это просто еще одна вещь в длинном списке вещей, которые он не хочет понимать. Не могу сказать, что сильно его виню». Он посмотрел на пораженное лицо Гермионы и улыбнулся. — Не беспокойся о нем, Гермиона. Он Уизли, а мы сделаны из довольно сурового материала. С ним все будет в порядке. Гермионе стало интересно, пытался ли Фред убедить ее или себя. "В любом случае," сказал он в настоящее время. — Я не поэтому пришел тебя найти.

Гермиона взяла перо и скрестила ноги, вопросительно склонив голову на него и желая прогнать усталость. "Что вам нужно?" — спросила она, сделав вывод, что он приближается к ней по поводу задания. Если бы что-то было не так, у них не было бы тревожного разговора о Роне.

— Это о Ремусе, — начал Фред.

— Скоро будет полнолуние, — вмешалась Гермиона, понимающе кивая. Он достал пергамент, который она видела ранее, и развернул его для ее осмотра.

«Я показал это Тонкс, и она считает, что это хорошая идея. Она хотела, чтобы я посмотрел, не поможешь ли ты с некоторыми заклинаниями».

«Я? Но Тонкс...»

«Она считает тебя лучшим заклинателем здесь. По крайней мере, когда дело доходит до инноваций». Покраснев от его похвалы, Гермиона наклонилась вперед, чтобы изучить пергамент. На нем был макет дома, а также утес, на котором он стоял. Оказалось, что в скалах на уровне пляжа есть ряд пещер. "Что вы думаете?"

— Ты хочешь поместить Ремуса сюда во время его переодевания? — спросила Гермиона. Она пододвинула план ближе, ее глаза метались туда-сюда по разным разделам, светясь от волнения. «Это выглядит выполнимым, при условии, что эти пещеры находятся достаточно высоко над ватерлинией».

«Прилив доходит только до 10 метров от входа», — ответил Фред.

— Я не уверена, что к дому ведет туннель, — заявила Гермиона, переводя взгляд со схемы пещер туда, где на вершине утеса стоял дом. «Это два места, где можно защититься от оборотня. Мы вдвое усложняем работу».

— Нет, если этот туннель можно использовать как путь к отступлению, — заметил Фред. В глазах Гермионы ненадолго вспыхнуло что-то похожее на панику.

«Это место Неизменяемо. И находится под чарами Фиделиуса. Они не найдут нас здесь, Фред!»

"Эй, эй!" — тихо сказал Фред. «Я не говорил, что они были. Это просто план на случай непредвиденных обстоятельств. Поскольку антиаппарационные щиты простираются до самого пляжа, я подумал, что это будет хороший способ быстро и тайно обойти их. И — с вашими медальонами. — нам нужен был бы только один человек, чтобы пройти через береги, и мы все могли бы присоединиться к нему — или к ней — просто так». Он щелкнул пальцами, и Гермиона невольно улыбнулась.

— Ты прав, конечно, — тихо пробормотала она, внутренне коря себя за то, что вела себя как глупый испуганный ребенок.

— Надеюсь, ты не возражаешь, Гермиона, — разговорчивым тоном добавил Фред. — Но я разобрал свой медальон, просто чтобы увидеть все компоненты заклинания, и... — он покачал головой, присвистнув от восхищения. «И это часть работы, позвольте мне сказать вам. Если вы когда-нибудь захотите работать в «Волшебных хрипах» Уизли, тогда мы...» Казалось, дрожь пробежала по его лицу, и пустое выражение, которое она видела в Магазине, вернулся. Она протянула руку и сжала его руку, ее лицо выражало сочувствие.

— Спасибо, Фред, — тихо сказала она. «Тот факт, что вы согласились бы нанять книжного червя, приверженца правил, много для меня значит. Возможно, однажды я вас удержу!»

«Я мог бы вас в этом удержать », — ответил Фред, и его настроение, казалось, испарилось. «Что, если мы спустимся в пещеры и осмотрим их воочию? Надо идти вперед и начинать формировать туннель. Осталось не так много времени. Что такое?» На лице Гермионы промелькнуло странное выражение, выражение отчаяния, сосредоточенности, как будто она вспомнила что-то важное, но так же быстро снова это потеряла.

«Я подумала — когда ты сказал это о предложении мне работы...» она еще немного посидела молча, но потом покачала головой. «Нет, его нет. Может быть, я подумаю об этом позже». Гермиона встала, схватила палочку и быстро пересекла комнату, чтобы подобрать часы. Она снова закрепила его на запястье. Ее разум уже двигался со скоростью миллион километров в час, и сон казался почти таким же далеким.

«Нам также понадобятся довольно прочные Silencios », — сказала Гермиона, когда Фред придержал для нее заднюю дверь, и они направились по узкой ветреной тропинке, которая петляла назад и вперед по скалистому утесу вниз к ровному участку. каменистый пляж и кромки воды. «Нам не поможет, если местные жители сообщат, что слышали волка на берегу моря и сбили всех Пожирателей смерти в этой половине Британии на наши головы».

Через несколько часов она нашла Гарри на чердаке. Фарфор был отремонтирован и упакован в ящики, а он сидел под окном, глядя на бескрайнюю, постоянно меняющуюся поверхность океана. Он пристально смотрел, как будто мог проникнуть в скрытые глубины этого пространства одним лишь усилием воли, и, казалось, был очень далеко. Казалось, он не услышал, как вошла Гермиона.

Если бы Гермиона догадалась, она бы сказала, что он думал о том, как все было раньше... когда они втроем были одиноки и напуганы, спали, прислонившись друг к другу в грязных задних комнатах заброшенных, брошенных зданий, охотясь за кусочки души Волдеморта. Тогда они задавались вопросом, могло ли быть что-то еще хуже.

Если бы могло стать еще хуже... Ее губы сочувственно сжались, когда она спокойно посмотрела на него. По крайней мере, тогда у них было направление, миссия, причина вставать по утрам. По крайней мере, тогда он был сильным и решительным, его благородство и сила характера сияли на его лице, как маяк. По крайней мере, тогда у них с Роном была видимость счастья. По крайней мере, тогда шумная, суетливая, хаотичная семья Уизли всегда приветствовала их, даже взлохмаченных и изможденных, на завтрак и короткую передышку в «Норе» субботним утром. О, Гарри ... подумала она и, должно быть, слегка вздохнула или пошаркала подошвой ботинка по полу, потому что он обернулся, вздрогнув на мгновение, прежде чем понять, кто там.

— Привет, Гермиона, — сказал он, пытаясь улыбнуться. Она всплеснула руками и улыбнулась ему, с некоторым ужасом заметив, когда посмотрела вниз, что ногти у нее в грязи. Грязь стекала и по передней части ее блузки. — Делал пироги из грязи? — спросил он с оттенком своего старого юмора, заметив направление ее взгляда и униженное выражение ее лица.

«Я копала туннель с Фредом», — пробормотала она. Он изогнул одну бровь.

«Разве у тебя нет способа сделать это, — он указал на ее палочку, — без... знаешь ли...?» Он согнул пальцы и изобразил, как царапает грязь обеими руками.

«Вначале на меня упала часть потолка», — призналась она, самоуничижительно пожимая плечами. «Я сказал Фреду использовать свою палочку для поиска наиболее устойчивого маршрута. После этого он так и сделал, и все прошло довольно гладко. Вход, конечно же, в подвале». Теперь она болтала. «Я знаю, что должен был принять душ, прежде чем идти за тобой, но когда тебя не было в лазарете...»

— Джинни в порядке? — спросил он, перебивая ее внезапной тревогой.

«Нет, она... она... снова на успокоительном, что, я полагаю, делает лучше, чем можно было ожидать. Просто... ты провел с ней так много времени в последнее время, что я подумал, что ты будешь там».

"Ты злишься?" Его тон был несколько настороженным, голова была опущена, но он случайно взглянул на нее из-под ресниц.

Гермиона задумалась над вопросом. Она злилась? нет . Это было достаточно легко определить. Но она также не думала, что Гарри имел в виду именно это. Она ревновала, действительно ревновала? Думала ли она, что Гарри дурачит ее, что его чувства каким -то образом разделены между ней и Джинни? Нет. Она скорее думала, что знает Гарри лучше, чем кто-либо другой, возможно, лучше, чем кто-либо другой. Он был не из тех, кто тянет людей за собой; это

никогда бы не пришло ему в голову. Волновалась ли она, что, возможно, Гарри увидит каскад огненно-рыжих волос Джинни и поймет, что совершил ужасную ошибку? Или так жалко ее за все, что она пережила и потеряла, что не в силах от нее оторваться? На лице Гермионы отразилась досада. Может быть.

— Нет, — неуверенно ответила она, и это прозвучало почти как вопрос. «Ты нужен ей. Я это понимаю».

"Но - ?" — подтолкнул он, после того как она долго молчала.

— Гарри, ты не видел себя в гостиной Гриффиндора в тот день — в тот день, когда ты поцеловал Джинни на глазах у Бога и у всех, просто чтобы быть нормальным, просто чтобы почувствовать то, что чувствует каждый подросток, это - это было удивительно ... и прекрасно. Она была девушкой, которую ты должен был оставить позади, девушкой, которая была проклята, потеряла свою семью, умоляла тебя спасти ее жизнь еще раз. Я боюсь — я — что, если ты поймешь, что совершил ошибку, или передумаешь?

Гарри внезапно потянулся и схватил Гермиону за оба локтя, потянув ее на землю рядом с собой. Выражение его лица было свирепым.

«Она не та девушка, которую я должен был оставить позади. Это девушка, которую я решил оставить позади. Я не хотел подвергать ее опасности, если в этом не было необходимости. Но я — но я... — он поднял руку, чтобы обхватить угол ее подбородка. Он слегка покачал головой с видом человека, признающего свою слабость. — Ты мне слишком нужна. В тот день в гостиной я был... я притворялся нормальным, и я... я наслаждался этим, пока это длилось. Но я ненормальный, Гермиона. никогда больше не будет, больше никогда. Однажды я спас жизнь Джинни и сделаю все необходимое, чтобы помочь ей снова, но я... я не влюблен в нее. Я не уверен, что когда-либо был влюблен».

Некоторое время они молча сидели под окном, скрестив ноги, коленями друг к другу. Каким-то образом руки Гермионы оказались у Гарри на коленях, и он водил пальцами вверх-вниз, по коже кончиков пальцев, суставов пальцев, запястий и предплечий.

— Что... то, что случилось с Джинни, заставило меня задуматься, — нерешительно выпалил Гарри через мгновение. О нет, подумала Гермиона и приложила два тонких пальца к губам Гарри.

— Я не хочу это слышать, Гарри, — мягко сказала она, заметно удивив его. «Ты собираешься сказать что-то о том, что это была твоя вина, что Пожиратель Смерти нацелился на нее — вероятно, по приказу Волдеморта — только потому, что она была последним известным человеком, с которым у тебя были публичные отношения. что ты во всем виновата, что ее ударили. Ты думаешь, во всем виновата, что ты как-то умолчала о своих чувствах ко мне, хотя тебя и пытали. Ты думаешь, что если Пожиратели Смерти сделают это с кем-то вроде Джинни... тогда что это значит, что они сделают со мной, если они когда-нибудь заберут меня?» Гарри смотрел на нее, вся краска сошла с его лица. подчеркнув глубокие тени под его

живыми глазами. Она лениво подумала, сколько он спал в последнее время. «Правильно ли я поняла?» Он не ответил, и она добавила еще тише: из меня, не так ли? Откуда он знал, что эти девушки-маглы должны быть похожи на меня? Хотя я содрогаюсь при мысли о всех волосах и «кусочках» людей, которых он, должно быть, спилил, на случай, если они когда-нибудь понадобятся ему для Обратного зелья. слегка улыбнулась, больше оценив усилия, подумала она, чем что-либо еще.

«Он наложил на меня проклятие Кошмара. Пару раз — по крайней мере, я думаю, так оно и было». Гарри говорил деревянным голосом, с пристальным пустым взглядом. «Он никогда не оставлял это на мне надолго. Он не хотел, чтобы я злилась; он хотел, чтобы я была в полном сознании и абсолютно ясно понимала, что он со мной делает. Но он был там». Что-то вроде спазма отвращения пробежало по его лицу. «Он был в моих мыслях все время... просто троллил ... чтобы увидеть, что он мог найти. И он нашел кошмар — что — что я был причиной, по которой тебя убили». Гермиона моргнула и вздрогнула, почувствовав влагу на щеках. Она крепче сжала его руки, так что все четверо сплелись у него на коленях. Теперь его слова имели больше смысла. Он знал, что не может сделать мне ничего хуже.

— И... и Джинни? — прохрипела она с усилием. Гарри поднял оба плеча в тяжелом, медленном пожатии, которое явно изображало тяжесть мира, который, образно говоря, сидел на них. Древние печали, казалось, одиноко плавали в лужах его глаз.

«Она... я думаю, она была ударом в темноте. Удачная догадка. Слава богу, я ни с кем не встречалась на седьмом курсе. Я могла... я могла знать, что что-то подобное произойдет».

— Ну, по крайней мере, мне не нужно беспокоиться о том, что ты отбросишь меня в сторону из-за какого-то ошибочного чувства ответственности и благородного самоотверженности, — снова легко сказала Гермиона, но ее глаза вторили его собственным весомым чувствам.

— Гермиона, я... — быстро заговорил он, словно возражая ее предыдущему заявлению.

— Он уже знает, Гарри, — сказала она легко, хотя колокольчик ужаса начал тяжело биться в ее груди в такт ее сердцу. Она крепче сжала его руки, чтобы скрыть их дрожь. Трусливый! Ее внутренний голос насмехался. Была она гриффиндоркой или нет? «Он уже знает, как ты ко мне относишься. Он придет за мной, как всегда преследовал тебя. Ты не можешь изменить это сейчас. Даже отбросив меня в сторону». Гарри задрожал, и она потянулась, чтобы обнять его. Он довольно грубо выругался себе под нос, но голос его был дрожащим и потерянным.

«Гермиона!» И в этом слове был ужасный шок и опустошение, так как он, очевидно, признал ее холодную оценку правильной. — И я ничего — ничего — я не могу с этим поделать. Я не могу защитить тебя. Я даже не могу защитить себя. Ради всего святого, Гермиона, прости меня. Извинения хлынули из него потоком бормочущих слов, протекающих сквозь нее и вокруг нее, каким-то образом успокаивающих своей бессмысленностью.

Она убрала его влажные темные волосы с висков и мягко шикнула на него, напевая что-то тихое и бессловесное, что не нужно было определять. Одна рука была на его щеке, кончики

пальцев были в его волосах, а другая рука обвила его шею. Их лбы почти соприкасались.

— На днях я сказал тебе кое-что о том, как максимально использовать то время, которое нам дали. Ты помнишь? Она наполнила свой голос бодростью, которой на самом деле не ощущала. Гарри кивнул, его голова слегка ударилась о ее голову. Она не отошла от него. — Я хочу сделать это — максимально использовать свое время с — с тобой... так что я... я собираюсь рассказать Рону, — вдруг выпалила она.

Затем он поднял на нее встревоженные глаза.

— Он не заслуживает того, чтобы его держали в неведении, Гарри, — быстро сказала она, чтобы перебить предстоящие возражения. — Это будет нелегко, но так будет лучше. И мне... мне не нравится мысль о том, что мы будем красться, прятаться в шкафах или что-то в этом роде. Я... я не хочу, чтобы он думал, что мы... мы предаем его».

— Он все равно так подумает, — прагматично заметил Гарри довольно скучным голосом. «Неважно, когда он узнает, он все равно будет чувствовать себя преданным».

— Тогда что ты предлагаешь нам делать? — спросила она, и сосульки окаймили ее голос. «Держите это в секрете от него — до каких пор?»

«Неужели лучше сказать ему сейчас, когда он потерял почти все, свой дом, свою семью, свой образ жизни? Просто чтобы не чувствовать себя виноватой?» Рот Гермионы беззвучно открылся, и она моргнула, ошеломленная его обвинением.

— И... и ты думаешь, что мы должны солгать ему... просто чтобы он не расстроился из-за этого? — наконец сказала она, намеренно повторяя структуру его предложений. Гарри, казалось, сдупся, его голова оторвалась от ее головы, склонившись к его груди.

— Я этого не говорил, — ответил он приглушенным голосом. Гермиона вздохнула.

— Мы говорим кругами, Гарри. Чего ты хочешь? Каждая косточка в его теле напряглась, и он снова пристально посмотрел на нее пылающими глазами.

"Чего я хочу?" — недоверчиво повторил он ее вопрос, и Гермиона инстинктивно поняла, что сказала не то. «Чего я хочу, так это заполучить маховик времени и отменить все, что произошло за последний месяц. Чего я хочу, так это забыть, что жизни моих друзей были разрушены — или закончились! — из-за безумного стремления отомстить и абсолютная сила касается меня. Чего я хочу, так это вернуть свою магию хотя бы на время, достаточное для одного четкого выстрела в упор в Волан-де-Морта. было, или что я понял это раньше — раньше Рона». Он проглотил и, казалось, собирал свое самообладание вокруг себя, как плащ. "Что я хочу, — сказал он мягко, останавливаясь, чтобы провести языком по пересохшим губам, — это отвести тебя на пляж и поцеловать, чтобы смыть тревожные, грустные тени с твоих глаз.

Инстинктивно ее взгляд метнулся от него, но почти сразу же неохотно вернулся обратно. Ее глаза наполнились слезами. Ей не нужно было говорить; они думали об одном и том же. Если бы только... Слеза выступила над краем нижнего века и скатилась по щеке. Она закатила глаза и потянулась, чтобы отбросить его, но Гарри опередил ее. Он смахнул слезу большим пальцем, оставив после себя искры. Она быстро наклонила голову, чтобы поцеловать его; ее губы приземлились на его запястье.

— Лучше скажи ему, — резко сказал Гарри довольно хриплым голосом. — Он не ударит тебя . Гермиона укоризненно посмотрела на него.

— Гарри... — упрекнула она, но он посмотрел на нее, как бы говоря: «Что? Думаешь, он не ударил бы меня? В каком мире снов ты живешь? Она без слов согласилась с его точкой зрения и сказала: «Попробую поговорить с ним после обеда». Она помолчала, с сомнением глядя на него. «Возможно, ты не захочешь спать с ним в одной комнате сегодня вечером». Гарри дал ей увидеть! Я был прав! смотреть, но его глаза были уклончивы. Она вопросительно встретила его взгляд.

— Вообще-то я не ночевал там внизу... около недели, я думаю, — пробормотал он смущенно. Гермиона испуганно посмотрела на него.

— Где ты спал?

— В той последней спальне... пустой. Тонкс поставила для меня Silencio , и я... я только что... — он остановился, когда глаза Гермионы снова наполнились слезами, на этот раз яростными слезами.

— Тебе снятся кошмары, не так ли? Не так ли? Его каменное молчание было всем ответом, в котором она нуждалась. — Почему ты мне не сказал?

"Потому что я знал, что ты будешь вести себя так!" Гарри выстрелил в ответ. — В кошмарах нет ничего нового, Гермиона, поверь мне. Я уже давно справляюсь с ними самостоятельно.

— Но, Гарри, если я могу чем-то помочь тебе, ты же знаешь, что я...

— Как спалось, Гермиона? — внезапно почти грубо спросил Гарри. Она высокомерно махнула рукой, как бы отмахиваясь от его вопроса.

— Я хорошо сплю, Гарри. Мы говорим не обо мне, мы...

«Ты совсем не спишь , не так ли? Я знаю, сколько времени ты проводишь внизу в Военной Комнате. Как ты последний там внизу ночью и первый утром». Он бросил на нее обвиняющий взгляд.

«Я всегда был ранним...»

— Думал, я их не замечу? — спросил он очень нежным голосом, потирая большими пальцами тонкую, мягкую, темную кожу под ее глазами. «Ты хочешь помочь всем, но не позволяешь никому помогать тебе». Она чувствовала, что превращается в кашу под влиянием этого мягкого голоса, влюбленного взгляда и ласкающего прикосновения. Она на мгновение закрыла глаза, как будто сделала паузу, чтобы смириться с неизбежным.

— Как я могу возлагать на тебя какое-либо другое бремя, Гарри? — жалобно спросила она. «Ты уже через многое прошел — еще столько переживаешь — и я не хочу нагромождать свои проблемы вдобавок к этому. Не то чтобы ты говорил о том, чтобы просить людей о помощи!» Гарри изогнул один уголок рта в полуулыбке и казался загипнотизированным грубыми деревянными досками пола.

«Я тоже не хотел тебя обременять. Я и так чувствую себя достаточно обузой», — признался он. Какое-то время она задумчиво смотрела на его лицо и решила говорить честно.

«Я не хочу спать, Гарри. Я не нахожу в нем покоя вообще. Сон — это потерянное время, когда я мог бы что-то придумать. девушка — я — снова и снова. И потерянный, разбитый взгляд на твоём лице... Я не думаю, что когда-нибудь забуду это». В ее карих глазах было затравленное выражение.

— Почему ты не попросил у Пенелопы снотворного? — мягко спросил он. «Я получал один для себя более чем один раз».

«Тебе и Джинни они нужны гораздо больше, чем мне — и кто знает, когда мы больше не сможем регулярно пополнять наши запасы зелий?»

— Ты действительно думаешь, что стоишь намного меньше? — спросил он, озабоченно помяв шрам на лбу.

"Что? Нет, конечно нет!" Она немного хмыкнула. "Какой смешной вопрос!" Она знала, что голос ее особенно похож на старосту Гермиону, и была вознаграждена улыбкой Гарри. Она улыбнулась в ответ, хотя к концу она стала немного кривой и водянистой.

Затем он наклонился к ней и нежно и долго поцеловал ее в губы. Она слилась в его объятиях, когда его руки обвились вокруг нее, и чувство тепла и принадлежности почти переполнило ее. Когда они разорвали поцелуй, он обхватил ее лицо руками и встретился с ее мрачным взглядом.

— Иди и возьми снотворное у Пенелопы, — мягко приказал он. «Тебе нужен отдых — отдых без сновидений. Я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с твоим блестящим мозгом». Тогда он улыбнулся, и Гермиона почувствовала себя до смешного счастливой, что смогла — даже сейчас — вызвать у него улыбку. Она снова поцеловала его.

— Я сделаю это, Гарри, если ты пообещаешь, что поговоришь со мной. Никто из нас не делает друг другу ничего хорошего, держа все в себе. Свет в его глазах погас, и она могла сказать, что он был не в восторге от ее предостережения, но вместо того, чтобы спорить, он просто кивнул.

— А я поговорю с Роном, — наконец сказал он с некоторой неохотой, как будто у него вытащили слова. Гермиона изо всех сил пыталась сдержать облегчение в глазах, но не думала, что ей это удалось.

— Я думала, тебя беспокоит его реакция, — рассеянно сказала она. Гарри пожал плечами и сказал тоном, который был в основном горьким:

«Я Сквиб-Сбежавший. Что еще он мог мне сделать?» Черты лица Гермионы стали печальными, и она могла видеть, как сожаление блестит в глазах Гарри.

— Гарри, не говори...

"Что? Правда? Что я сквиб?" Он поднял на нее брови, и она поняла, что хладнокровно-насмешливая манера поведения вернулась.

«Гарри, ты не знаешь, что это навсегда! Если есть способ исправить это, клянусь тебе, я его найду». Мгновение он серьезно смотрел на нее, а затем фыркнул, выпустив из ноздрей слабый глоток воздуха.

— Я хочу в это верить, Гермиона. — наконец сказал он почти неохотно. Затем она наклонилась к нему ближе и подняла их обоих на ноги, стоя так близко, что они почти дышали друг другу в рот. Она снова поцеловала его, на этот раз более глубокий поцелуй, который, как она надеялась, передал все ее надежды и страхи, тоску и желание по нему. Она почувствовала, как его руки сомкнулись у нее за спиной, и почувствовала, как напряженные линии его тела расслабились.

Она прислонилась своим лбом к его лбу всего на мгновение, пока они пытались вернуться к нормальному дыханию.

«Тогда поверь, Гарри. Когда я когда-нибудь терпел неудачу в чем-то, к чему приложил свои усилия?»

Они расстались на лестнице, Гарри продолжал спускаться в поисках Рона, а Гермиона вернулась в лазарет. Внутри кто-то ходил, и она надеялась, что Пенелопа будет там одна. Несмотря на слова утешения Гарри, она не хотела, чтобы весь дом знал, что ей нужен напиток, чтобы заснуть. В разумных пределах она знала, что никто не будет думать о ней хуже, но почему-то ее самодостаточная гордость не могла этого вынести.

Она на мгновение остановилась, держась за ручку, чтобы собраться с духом, который был более чем подорван ее общими поцелуями с Гарри. Это просто зелье. Глупое сонное зелье,

которое мог состряпать второкурсник! Одним внезапным движением она яростно повернула ручку и ворвалась в комнату.

Джинни неподвижно лежала на ближайшей к двери кровати. Невилл стоял у открытого окна, облокотившись на подоконник и выглядывая наружу. Когда Гермиона внезапно вошла, он яростно и смешно вздрогнул, извиваясь и прижимаясь к окну.

— Это всего лишь я, Невилл, — весело сказала она. Краска залила круглое лицо Невилла.

— Ты меня напугал, — пробормотал он. «Во что ты играешь, просто врываясь в комнату вот так?

— Конечно, Невилл, — дружески сказала Гермиона, улыбаясь ему. Ей всегда нравился Невилл за всю его забывчивость и неуклюжесть. — Где Пенелопа? Я хотела поговорить с ней о... о чем-то, — неопределенно промолчала она.

— Думаю, она вышла перекусить, — предположил Невилл. «Я сказал ей, что буду присматривать за Джинни для нее». Взгляд Гермионы переместился на распростертого Уизли на единственной занятой кровати.

— Как она? — тихо спросила старшая девочка, хотя она была там не так давно. Невилл пожал плечами, его глаза также были устремлены на Джинни.

«Всякий раз, когда Пенелопа пытается ее разбудить, мы снова начинаем кричать», — сказал Невилл. «Но когда она под действием успокоительного, она переживает эти кошмары. Хотя присутствие Гарри, похоже, помогает». Странная эмоция внезапно отразилась на его лице, и Гермиона с удивлением наблюдала за ним. Он завидует связи Гарри с Джинни, внезапно подумала она.

— Все будет хорошо, Невилл, — успокаивающе сказала она, похлопывая его по плечу. «Когда Джинни выйдет из этого, я обязательно скажу ей, как хорошо ты за ней ухаживал». Невилл вдруг уставился на нее, выглядя все более и более смущенным, когда на его лице засияло озарение. — Невилл, на самом деле все в порядке. Я никому не скажу — если это то, о чем ты беспокоишься — и я...

— Что, черт возьми, ты пытаешься сказать, Гарри? Гневный голос Рона внезапно раздался с ними в той же комнате. Глаза Невилла расширились от чего-то вроде паники. Гермиона медленно обошла комнату, глядя на карниз.

— Откуда, черт возьми, это взялось? — спросила она с любопытством, подходя к углу комнаты, ближайшему к окну. Невилл перехватил ее, выглядя очень мрачным.

— Акустика в таких старых домах, как этот, может быть странной, — задумчиво сказал он.

«Может быть, окно внизу тоже открыто или что-то в этом роде. Думаешь, мы должны выяснить, что происходит?» Он посмотрел на нее понимающе, и ей стало интересно, помнит ли он, как он случайно застал ее и Гарри в поцелуе.

— Мне кажется, я знаю, что происходит, — с некоторым огорчением сказала Гермиона после минутного колебания. «Я пойду. Может быть, я смогу предотвратить драку».

— Тебе нужно, чтобы я...? — начал Невилл, указывая на дверь.

«Нет, спасибо. Это наш беспорядок. Я должна помочь им убрать его», — сказала она с самоуничижительной улыбкой. Когда она направилась к двери, ее нога зацепилась за угол маленького табурета, на котором стояла открытая бутылка минеральной воды. Невилл рванулся к нему, но промахнулся, когда он приземлился на пол и откатился на небольшое расстояние, плещущаяся вода преломляла сверкающие грани солнечного света. — О, Невилл, прости, я... — она сделала шаг туда, где упала бутылка, но Невилл отмахнулся.

— Продолжай, — незлобиво сказал Невилл. «Я почищу его». Она моргнула в направлении места приземления бутылки и какое-то время рассеянно смотрела, как Невилл возится на полу.

Она быстро повернулась и направилась к двери, рассеянно потирая рукой висок. Нервничаешь, сказала она себе, ты становишься нервной, рассеянной и параноидальной. Она подумала о своей чрезмерной реакции на заявление Фреда ранее о том, что им нужен путь к отступлению. Может быть, это потому, что ты не спала, напомнил ей голос, звучавший удивительно похоже на голос Гарри. Она сказала себе, что разрядит ситуацию между своими мальчиками, а затем найдет Пенелопу Клируотер. Она попыталась выбросить из головы все мысли о неловкости Невилла и о своей неуклюжести. Но мысль осталась и не подавилась.

Почему ничего не пролилось из этой бутылки с водой?

Гермиона не слышала никаких вспышек, когда спускалась по лестнице, но когда она вошла в Военную Комнату, Гарри стоял, прислонившись к подоконнику, глядя сквозь стекло, вызывающе выпятив челюсть. Рон был на другом конце комнаты, со всеми признаками вспыльчивого характера, за исключением дымящегося свиста в ушах.

— Я удивлена, что ты не притащил сюда весь Орден своими криками, Рон, — язвительно сказала она, как только они оба признали ее присутствие.

— Я вовсе не кричал, Гермиона, — возразил Рон. "Но могли бы вы винить меня, если бы я был?" Гермиона быстро взглянула на окна. Они были закрыты. Ее бровь нахмурилась в замешательстве.

— Но... — начала она, но почти так же быстро остановилась. Гарри с любопытством посмотрел через комнату на ее колебания.

— Ты должен спать, — тихо сказал он.

«Я не нашла Пенелопу», — ответила она, чувствуя вспышку раздражения из-за того, что он беспокоится об этом сейчас.

"Это правда?" — вмешался Рон, поворачиваясь к ней. — То, что он сказал, — это правда? Гермиона открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла произнести ни слова. Она опустила взгляд в пол, но не вовремя, чтобы не заметить, как лицо Рона наполняется смесью гнева, торжества по поводу своей правоты и отчаяния. Ее внутренние слизеринцы кричали на нее: Трус, трус! — Вот почему... почему ты хотела покончить с этим тогда? Чтобы быть с ним? Глаза Гермионы закрылись, она почувствовала, как будто каждый орган в ее теле внезапно скрутился от боли. Она заставила себя посмотреть на него с некоторой долей спокойствия.

— Нет, Рон, не поэтому. Это из-за нас. Это не имело никакого отношения к Гарри.

"Не так ли?" Он бросил вызов тоном, который немного отличался от абсолютно воинственного. — Мерлин, Гермиона! Еще и трех недель не прошло.

Глаза Гермионы осторожно метнулись к Гарри. Он все еще полусидел на подоконнике, глядя наружу, хотя негибкая постановка его тела выдавала, что он внимательно слушал все, что ему говорили.

«Рон, между нами все было кончено намного дольше, и ты это знаешь. Если бы мы не охотились на хоркруксы — если бы у нас был нормальный седьмой год — может быть, у нас все было бы в порядке. Но, может быть, нет. Разве ты не понимал, что мы продолжали откладывать наши отношения на второй план — последнее дело в нашем списке дел — и нас обоих это устраивало? Это не признак здоровых, процветающих отношений!»

— Итак... — Рон шумно сглотнул, и его глаза были подозрительно влажными. — Так вдруг ты влюбилась в Гарри? Все тело Гермионы задрожало, как будто она физически подавляла свой инстинкт бежать из комнаты.

— Нет, — ответила она, и ее слова тяжело растворились в напряженной тишине. «Нет, не вдруг. Я просто... я просто не узнал, что это было». Лицо Рона казалось достаточно хрупким, чтобы сломаться. Он посмотрел на Гарри.

"И ты?" он спросил. Наступило долгое молчание, прежде чем Гарри понял, что Рон обращается к нему. Он отвернулся от окна лицом к ним, его руки неловко растопырились позади него на подоконнике.

— Я люблю ее с прошлого лета, — тихо сказал Гарри, глядя на Рона, а не на Гермиону. «Но она была под запретом. Она была с тобой».

— Ты уж точно не тратил время зря, разыгрывая ее, как только она освободилась, — с горечью огрызнулся Рон. — А какие у меня были бы шансы, когда Мальчик-Который-Выжил заявил о своих чувствах?

Гермиона сказала: «О, Рон, не надо!» в каком-то гневном вздохе. Гарри напрягся и медленно пошел через комнату, пока не оказался очень близко к Рону.

«Я влюблен в Гермиону, а она любит меня. И это одна из последних хороших вещей, которые у меня остались. Моя дружба с тобой — еще одна. Я знаю, что все это не легко и не честно, но я не хочу, чтобы это встало между нами». Рон попятился от него, пока не коснулся стула и резко не сел.

— Я знал, — медленно сказал он. — Я знал, что первое, что вырвалось у тебя изо рта, — тут он взглянул на Гермиону, — после того, как мы расстались, было беспокойство о том, как Гарри справится с нашим разрывом. митинг начался. Я просто - я не хотел верить, что это правда ». Рон подпер голову обеими руками, выглядя ошеломленным и сбитым с толку. Гермиона подумала о словах Фреда. Это просто еще одна вещь в длинном списке вещей, которые он не хочет обрабатывать.

"Рон?" — осторожно сказала она, прочищая горло, чтобы голос не сорвался. — Рон, мне так жаль.

— Не надо, — устало сказал он, не глядя ни на одного из них. «Просто... не надо. Я не могу помешать вам быть вместе. Где-то глубоко внутри я очень хочу, чтобы вы двое были счастливы, просто... просто...» не друг с другом звенело в комнате, хотя фраза осталась невысказанной. — Извините. Я не могу этого сделать, — резко сказал он, резко вставая и выходя из комнаты. Гермиона и Гарри остались неловко смотреть друг на друга в комнате, которая внезапно стала очень большой и очень пустой.

— Ремус! Ремус, давай! — позвала Тонкс, ее голос доносился из зияющей пасти подвала. «Нам нужно успеть проверить обереги. Уже закат».

— Он идет, — услышала Гермиона тихий акцент профессора МакГонагалл и почувствовала, как нервно сжимается внутри. Она стояла на цыпочках на кухне, лицом к двери в подвал, ожидая, когда Ремус спустится в туннель. Фред и мистер Уизли охраняли дальний конец, а она и Тонкс отвечали за ближайший к дому конец. Она посмотрела на Невилла и Луну, разделявших с ней кухню в таком же испуганном предвкушении, и слегка улыбнулась. Гарри был в лазарете с Джинни, как и Пенелопа и профессор МакГонагалл.

Входная дверь внезапно распахнулась, и Рон вошел на кухню, бросив туда сверток, завернутый в вощеную бумагу и перевязанный бечевкой.

"О, ты понял! Хорошо!" Гермиона вздохнула, прежде чем заметить его жесткую позу и превратиться в болезненную неловкость. Рон полностью избегал смотреть на нее.

— Редко, черт возьми, — уклончиво сказал он, глядя в окно над раковиной на лиловые сумерки. Взгляды Невилла и Луны метались между ними с едва скрываемым любопытством, и тишина стала настолько напряженной и напряженной, что Гермиона наконец выхватила сверток мяса с того места, где Рон бросил его на прилавок.

— Я отнесу это Тонкс, — сказала она прерывающимся голосом и скрылась по лестнице в подвал.

— Я пойду с вами, — небрежно заметил Невилл и пошел за ней вниз.

В подвале был прохладный земляной пол и полки от пола до потолка. На них стояли различные коробки, банки и упаковочные ящики. Гермиона узнала, что некоторые из них были привезены из Магазина, но многие выглядели достаточно древними, чтобы принадлежать тем же предкам МакГонагалл, которым принадлежали фарфоровые тарелки. В дальнем конце тускло освещенной комнаты была открыта широкая металлическая крышка, чем-то напоминающая крышку люка. Гермиона могла видеть бело-голубое свечение палочки, слабо исходившее из дыры в полу.

— Тонкс, — позвала она. «Рон вернулся из мясной лавки».

— Опустить его, — раздался слабый голос Тонкс. — Ремус еще не придет?

Гермиона неуверенно оглянулась через плечо. На кухне над их головами слышались шаги, и она услышала, как Рон с кем-то разговаривает.

— Думаю, да, — крикнула она и начала спускаться по лестнице — на самом деле это были просто металлические перекладины, воткнутые в стену через случайные промежутки — после того, как вручила Невиллу влажный, хлюпающий пакет.

"Ух ты!" — произнес Невилл, когда они оба достигли дна, глядя на широкий, прохладный, земляной проход, спускающийся все ниже к морю. "Вы и Фред сделали это в одиночку? Впечатляет!"

— Ну, палочки у нас были, — неловко возразила Гермиона, думая о Гарри. До сих пор они не приблизились к решению, как вернуть ему его магию. Тут к ним подошла Тонкс, взяла мясо у Невилла, развязала его и положила рядом с ветхой и изношенной кучей старых одеял, которые выглядели так, словно им место в мусорном баке.

«Я думаю, что мы хорошо защитили дальний конец. Фред и Артур проверяли его на другой стороне, и сегодня они собираются остаться на пляже... просто чтобы убедиться, что... что все в порядке», — Тонкс сообщила им своим официальным голосом аврора. Гермиона не могла не заметить тень беспокойства в ее глазах. Смена Луны никогда не давалась Ремусу легко, и если бы их обереги не сработали, если бы он каким-то образом выбрался в деревню или даже в дом... ну, об этом просто не стоило думать.

"Мы готовы?" — раздался голос из-за спин Невилла и Гермионы, и глаза Тонкс метнулись за ними и загорелись.

— Думаю, да. Ты в порядке? — спросила она, ее голос был полон беспокойства. Ремус кивнул, не сводя глаз с любимой женщины.

— У меня есть волчье зелье, которое Гермиона и Пенелопа так любезно приготовили для меня. Оно должно снять самые тяжелые последствия. Ты поставил силенсиос? — спросил он, и Тонкс кивнула. — Хорошо, — сказал он в ответ на ее жест. Он бросил быстрый взгляд на Гермиону и Невилла. «Тогда тебе лучше пойти, поставить обереги и убраться отсюда». Он выглядел бледным, но выпрямился, явно стараясь придать вещам как можно более выгодное выражение лица. — Кто дежурит сегодня в подвале?

— Да, — твердо сказала Тонкс, как будто ожидая, что он возразит. Он открыл рот, словно хотел оспорить ее присутствие, но сказал только:

— Нимфадора, — таким нежным тоном, что Гермионе показалось, будто она вторгается в очень интимный момент, и ей стало совсем не по себе. «Если что-то... пойдет не так, я надеюсь, ты сделаешь то, что нужно сделать». Его глаза были серьезными, но Тонкс встретила с ним взглядом.

— Да, — просто сказала она, хотя голос ее был сдавленным и водянистым. Ремус наклонился вперед и нежно поцеловал ее в губы, прежде чем отступить на несколько шагов.

"Ремус!" Тонкс внезапно рявкнула и протянула руку. Он посмотрел на нее вопросительно. — Мне... мне нужен твой медальон, — прохрипела она почти извиняющимся тоном. Он слегка улыбнулся и опустил взгляд к земле.

«Конечно», — ответил он и снял цепочку с шеи, положив ее ей на ладонь свернутой в кольцо металлической насыпью. «Тогда иди. Осталось не так много времени», — сказал он, продолжая пятиться по туннелю, пока не скрылся из виду за изгибом стены, которая изгибалась и извивалась, змеевидно, сквозь чрево утеса.

Тонкс какое-то время стояла неподвижно, засунув руки в задние карманы выцветших джинсов и глядя туда, где исчез Ремус. Затем она вздохнула и, казалось, встряхнулась, чтобы вернуться к своей задаче, потому что она сказала живо.

«Давайте поднимем эти обереги». Они с Гермионой немедленно приступили к выполнению поставленной задачи, обереги были predeterminedены и точно спланированы заранее, а Невилл помогал, когда возникал случай. Он гораздо лучше умел обращаться со своей палочкой, чем помнила Гермиона, и она предположила, что такое давление реального мира, в отличие от искусственно созданного давления в классе, помогло ему быть в своих лучших проявлениях. Они работали осторожно, но быстро, проведя последнюю проверку оберегов почти в то же время, когда Рон спустился по ступенькам в подвал.

"Луна возшла!"

Обереги находились примерно в трех-четыре метрах от лестницы и не позволяли Ремусу пройти дальше этой точки. Тонкс планировала следить за отверстием в подвале, которое вело в туннель. Они втроем обменялись парочкой ну вот и все! взгляды, и направился к лестнице.

"Как он поживает?" — сонно заметила Гермиона Тонкс, пока аврорка поднималась через люк в подвал. Тонкс пожала плечами, выглядя такой же уставшей, как чувствовала себя Гермиона.

«Не удалось его увидеть, он должен быть дальше по туннелю. Это тоже недостаток Силенсиуса. Мы даже не можем использовать наши уши, чтобы понять, где он находится. весь сгнил». Лицо Тонкс было задумчивым и обеспокоенным, когда она опустила встревоженный взгляд на люк, явно думая о том, кто находится за ним.

— По крайней мере, мы знаем, что обереги держат, — успокаивающе сказала Гермиона, подперев подбородок скрещенными руками, сидя на лестнице в подвал.

— Верно, — признала Тонкс. «Мы знаем это». Она вдруг посмотрела поверх головы Гермионы и сказала: «Привет, Гарри». Гермиона повернулась, чтобы посмотреть на лестницу, беспокойство тут же отразилось на ее лице.

— Гарри, что ты делаешь? — спросила она, когда он медленно спустился по ступенькам и уселся рядом с ней внизу.

«Проснулся и больше не мог заснуть», — отрезал он. "Почему ты встал?" — спросил он, прежде чем она успела обвинить его в очередном кошмаре.

— Я сказала Тонкс, что останусь с ней и буду наблюдать, — просто сказала она.

— А я сказала ей, что ей это не нужно, — быстро ответила Тонкс, с интересом наблюдая, как Гарри с притворной небрежностью переплетает свои пальцы с пальцами Гермионы. Они по-прежнему не очень часто выставляли свои зарождающиеся отношения напоказ, и никогда перед Роном, но каким-то образом новости об этом распространились по убежищу. Гермиона надеялась, что никто, особенно Рон, не знает, что в последнее время она проводила ночи в постели Гарри. До сих пор дело не продвинулось дальше этого — сна, — но оба обнаружили, что большая часть их общих проблем со сном исчезла, когда они были вместе.

— Я хотела, — возразила Гермиона. «Я не могу себе представить, как тяжело, должно быть, знать... знать, что...» она остановилась, спотыкаясь, и кивнула в сторону тяжелого металлического люка. Тонкс улыбнулась ей, даже не шевеля губами; ее глаза лишь слегка прищурились в уголках. Гермиона чувствовала на себе взгляд Гарри.

«Может быть, я знаю кое-что из того, через что проходит Тонкс », — подумала она, вспоминая, как наблюдала за Гарри в той камере в доме Риддлов.

— Как Ремус? — спросил Гарри Тонкс через мгновение. Аврор пожал плечами.

«На самом деле мы не знаем. Silencio удерживает нас от...» она резко дернулась к люку, напряжение отразилось в каждом мускуле и суставе.

— Тонкс? — вместе сказали Гарри и Гермиона.

"Ты это слышал?" — тихо сказала Тонкс, вставая на ноги и вытаскивая палочку, пытаясь к лестнице. Гермиона тожехватила палочку и спустилась вниз по лестнице, чтобы оказаться перед Гарри.

— Что слышишь? — прошипела Гермиона. Ее ладони были липкими на гладком дереве палочки. Убегать от оборотня было хорошо, когда нужно было пробежать всю территорию Хогвартса и множество мест, где можно спрятаться, но встреча с одним из них в темном подвале была чем-то совсем другим.

«Это звучало так, как будто что-то коснулось перекладин...» Тонкс так и не успела закончить то, что собиралась сказать, потому что что-то яростно ударилось о люк, заставив его подпрыгнуть вверх, а затем с лязгом опуститься. Все подпрыгнули, и с губ Гермионы сорвался испуганный крик.

Еще один лязг. Люк прогнулся посередине. И теперь Гермиона слышала металлический шорох когтей о ступеньки лестницы.

— Гарри, — прошептала она краешком рта, не отрывая глаз и палочки от люка. "Иди. Возьми. Помогите".

Люк снова подпрыгнул вверх и вниз. Еще один или два таких удара, и все это сломается, подумала Гермиона. Тонкс попыталась бросить Коллопортус, но рама люка была уже слишком деформирована, чтобы его удержать.

"Проклятие!" Тонкс выругалась, а Гермиона могла бы поклясться, что увидела поток слез на лице Тонкс, отраженный в отблеске света от попытки заклинания. Гарри не успел даже выбраться из кухни, как она и Тонкс мчались вверх по лестнице сразу за ним.

Лязг. Гермиона слышала низкое дикое рычание и почувствовала, как ее кровь стынет в жилах. Они захлопнули дверь подвала и запечатали ее.

— Это не задержит его надолго! — сказала Тонкс, пытаясь наложить на дверь какую-нибудь защиту от наручников. Ее палочка сильно дрожала. Гермиона оглянулась через плечо, но Гарри исчез из кухонной двери. Она могла смутно слышать бессвязные крики и знала, что он пытается разбудить остальных.

Дверь в подвал бешено тарахтела на петлях, с каждым разом, казалось, чуть-чуть высывалась из рамы. Запечатывающее заклинание явно подвергалось испытанию на пределе возможностей.

— А как насчет Ступефи ? — спросил Гарри, возвращаясь на кухню. Гермиона и Тонкс покачали головами. На лестнице, ведущей в спальные помещения дома, раздались громopodobные шаги.

— Обыкновенный Ступефи не одолеет оборотня, Гарри, — ответила Гермиона. «Если бы это было возможно, они не представляли бы такой угрозы». Тонкс все еще пыталась защитить дверь, но постоянное дрожание двери мешало ей. Она что-то бормотала себе под нос, что-то смутно напоминающее:

«О Боже, Ремус. О Боже, Ремус».

Профессор МакГонагалл вошла в дверной проем кухни, а Луна и Невилл спотыкались позади, как раз вовремя, чтобы услышать громкий треск дерева. Сквозь крашеное дерево двери подвала показались изогнутые белые кончики когтей. Глаза Невилла были широко раскрыты и заморожены, они смотрели на осажденную дверь.

— Рон аппарировал вниз, чтобы забрать Фреда и мистера Уизли, — услужливо сказала Луна, ее глаза потемнели в бледном лунном свете, льющемся из кухонного окна.

Пенелопа, вероятно, заперла себя и Джинни в лазарете, подумала Гермиона, и ее взгляд невольно скользнул в сторону Гарри, который двинулся, когда остальные вошли в кухню, и теперь находился между ней и дальней стеной кухни, на которой покоилось окно. , раковина и длина стойки.

— Тебе не следует быть здесь, Гарри. Ты не можешь... — начала она, но запнулась. Stupefy может быть не более чем Stinging порча для оборотня, но это было лучше, чем ничего, что было у Гарри.

— Я не оставляю тебя, — сказал он каменно. Дверь в подвал дрожала и тряслась, словно была сделана из желатина, а не из дерева. Низкий рык превратился в рев ярости и вызова, скользя вверх по октавам в леденящий кровь вой. Гермиона поблагодарила Мерлина за то, что заклинания глушения были частью оберега, который находился в убежище с первого дня.

«Жезлы наготове!» Мистер Уизли позвонил, въезжая на кухню, с Фреда и Рона сблизились позади него. "Петрификус по моей метке". Палоты подошли, и лица с решимостью устанавливались как Флинт.

Дверная ручка со стуком высвободилась из кожуха и громко ударилась об пол, пьяно прокатившись по кухонной плитке с металлическим вращающимся звуком. Гермионе показалось, что она могла видеть ослепительно сверкающие острые как бритва резцы сквозь

дыру на месте дверной ручки. Рычание стало громче. Одна петля вырвалась из деревянного дверного косяка.

— Держись, пока идет, — успокаивающе сказал мистер Уизли. Гермиона попыталась незаметно переместиться перед Гарри, но тут ее внимание привлекло движение с другой стороны. Дрожащая потная рука Невилла сжала палочку, когда он направил ее на дверь.

Он собирается бросать рано! – в панике подумала Гермиона. Это снова наш первый урок метлы! Она знала, что им понадобится каждая лишняя частица магии от каждой палочки, если они хотя бы надеются победить Ремуса.

— Невилл, нет! — закричала она в тот самый момент, когда из его палочки вырвалась вспышка света.

Произошла суматоха света и звука. Раздался громкий треск, когда дверь, казалось, сложилась сама по себе, как папиросная бумага. Тонкс распростерлась на полу, кровь сочилась из рваной раны где-то в ее волосах. Невилл, Луна и Рон валялись в углу, словно выброшенные игрушечные солдатики. Мистера Уизли отшвырнуло через всю комнату, где он громко ударился о шкафы под раковиной, проломив обе двери и заставив трубы извергнуть тонкий водяной туман на кафельный пол. Профессора МакГонагалл поставили на колени возле груды людей, состоявшей из молодых членов Ордена, и она медленно пыталась встать, внезапно оглядываясь каждый год.

Зловонный запах теплого и потного животного заполнил кухню, проникая и в ноздри Гермионы, и в ее сознание. Когти зловеще щелкнули и заскользили по мокрой плитке, когда тот, кто когда-то был Ремусом Люпином, поднялся по последней ступеньке и вошел на кухню, осторожно пробираясь сквозь руины двери подвала.

Гермиона вдруг поняла, что остались стоять только она и Гарри, а Гарри оказался между ней и оборотнем. Он повернул к ним массивную морду, почти деликатно принюхиваясь. Низкое рычание вырвалось из живота зверя в предвкушении и загрохотало по углам кухни. Мистер Уизли застонал и слегка пошевелился, пытаясь вырваться из-под мокрых осколков дверцы шкафа.

Гарри посмотрел на оборотня, нависшего над ним, широко раскинув руки, чтобы не дать существу преследовать Гермиону.

— Гарри, нет! Голос Гермионы дрогнул, превратившись в умоляющий шепот. Она подняла палочку. Послышался стук дерева, когда кто-то слева от нее снова попытался найти свою палочку. Она в отчаянии закрыла глаза и почувствовала, как внутри нее что-то вздымается, пульсирует сила, бурлит сильнодействующее зелье. Она поймала себя на том, что напрасно желала, чтобы Гарри вернул свою магию, полагая, что каким-то образом его сила будет больше, чем сумма всех остальных. Если бы Гарри все еще мог творить магию, она не была бы так окаменела, как в этот самый момент, глядя в мерзкую пасть монстра. Необузданное желание этого, казалось бы, сводившееся к самой сути, обжигало ее внутренности, как

кислота. Она собиралась взорваться от его силы. Что, черт возьми, происходит?

Оборотень поднял одну мощную лапу с жестоко изогнутыми когтями на кончике. Это сбило бы Гарри с пути, возможно, сломало бы ему шею. Гарри поднял обе руки, чтобы отразить это. О, Боже, Гарри... — подумала Гермиона.

— Одурманивайте! — закричала Гермиона так громко и пронзительно, что ей показалось, будто она содрала с горла самую слизистую оболочку. Яркий луч вырвался из кончика ее палочки, в то же время, как соответствующие лучи света вырвались из ладоней обеих рук Гарри.

Оборотень завис в воздухе на кратчайшую долю секунды, прежде чем его сбросило вниз по лестнице, где он приземлился с тошнотворным звуком на утрамбованную грязь пола подвала. Гарри перегнулся через разрушенный порог, глядя вниз по лестнице на распростертую, скорченную фигуру в полумраке. Он заметно шатался на ногах. Он повернулся к Гермионе, выглядя потрясенным.

— Он дышит, — объявил он. Его колени подогнулись под ним, и Гермиона быстро нырнула под его руку, пытаясь удержать его в вертикальном положении. В углу Луне и Рону удалось выпутаться. Невилл, по-видимому, потерял сознание.

— Гарри, — выдохнула Гермиона, затаив дыхание. — Что это было?

— Не знаю, — пробормотал Гарри, выглядя ошеломленным и растерянным. «Я... это... мне казалось, что оно исходит не от меня. Я... я контролировала, куда оно шло, но я не знаю, откуда оно взялось».

"Попробуй свою палочку!" — сказала она нетерпеливо, вытаскивая палочку, которую он все еще носил в заднем кармане по привычке — и, может быть, немного отрицая. Она протянула его ему с надеждой.

— Люмос! — вдруг сказал он, явно пытаясь обрести уверенность, которой на самом деле не чувствовал.

Ничего не произошло.

— Я не понимаю, — сказал Рон, обращаясь к ним обоим впервые за несколько дней, двигаясь перед ними, пытаясь вытащить отца из-под раковины. Луна помогала МакГонагалл подняться на ноги. «Если твоя магия не вернулась, тогда что, черт возьми, только что произошло?» Гарри покачал головой.

«Это не пришло от меня, не началось с меня». Он пронзил Гермиону внезапным широко раскрытым взглядом. «Это исходило от тебя » .

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2457000>